

A romantic scene between a young man and woman. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is wearing a white, lace-trimmed dress. She has large, white, feathered angel wings on her back. The man, on the right, is wearing a dark blue military-style jacket with gold embroidery and buttons. He is leaning in towards the woman, and they are looking at each other with soft expressions. The background is a soft, out-of-focus green, suggesting a forest or garden setting. The overall mood is romantic and ethereal.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

НА КРАЮ
ПРОПАСТИ

Сергей Патрушев

На краю пропасти

«Автор»

2026

Патрушев С.

На краю пропасти / С. Патрушев — «Автор», 2026

Даниил теряет всё за один день: бизнес, деньги, невесту и смысл жизни. Доведённый до отчаяния, он делает шаг с крыши небоскрёба, но вместо падения оказывается в бесконечном Храме между мирами. Здесь его встречает Эйрин — загадочная девушка-ангел, посланная не только спасти его, но и показать, что он нужен этому миру. Вместе они путешествуют по самым удивительным уголкам планеты от глубин Марианской впадины до вершин Гималаев, от ночного Токио до бескрайней африканской Саванны. Через видения прошлого и будущего, разговоры о любви, гордыне и прощении Даниил обретает то, что давно потерял — самого себя. Впереди его ждёт главный выбор: остаться призраком рядом с той, кто стала ему дороже всех или вернуться в мир боли, чтобы начать жизнь заново. История о том, что даже на самом дне можно найти свет.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка невозврата	5
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Патрушев

На краю пропасти

Глава 1. Точка невозврата

Это утро началось не с привычного аромата свежесваренного кофе, который обычно наполнял собой все пространство их просторной, залитой солнцем квартиры, и не с мягкого, обволакивающего тепла одеяла, под которым так уютно было прятаться от утренней прохлады, а с той особенной, почти осязаемой тишины, которая физически, с ощутимой силой давила на барабанные перепонки, создавая иллюзию того, что весь окружающий мир внезапно погрузился в вакуум, и с того странного, непривычного ощущения, будто воздух в спальне за ночь стал плотным и вязким, словно вода в глубоком колодце, и для того, чтобы сделать самый обычный вдох, теперь требовалось прикладывать невероятные, почти физические усилия.

Даниил медленно, словно преодолевая сопротивление этого самого плотного воздуха, открыл глаза и несколько долгих, тягучих секунд просто лежал неподвижно, уставившись в идеально ровную, белоснежную поверхность потолка, пытаясь вспомнить, какой именно сегодня день недели и почему окружающая его реальность кажется какой-то бракованной, неисправной, словно дорогой гаджет, в котором кто-то неосторожным движением сбил все настройки резкости, исказив картинку до неузнаваемости и лишив ее привычных, знакомых очертаний.

Впрочем, он прекрасно знал, какой сегодня день, и это знание не приносило ему ни радости, ни облегчения, а лишь усиливало то гнетущее чувство неясной тревоги, которое поселилось в его груди несколько недель назад и с тех пор не отпускало ни на минуту, словно заноза, засевшая слишком глубоко под кожей, — сегодня был четверг, тот самый переломный день, тот самый час «икс», когда его жизнь, его карьера, его будущее должны были либо взлететь на совершенно новую, недостижимую орбиту, либо рухнуть в тартарары, разбившись на миллионы осколков, и, судя по тому, как неприятно и настойчиво покалывало кончики пальцев и как тревожно сжималось сердце, все события этого дня неумолимо развивались именно по второму, самому катастрофическому сценарию.

Телефон, лежавший на прикроватной тумбочке из темного, почти черного дерева, внезапно завибрировал, заставив его вздрогнуть от неожиданности и на мгновение вырвав из липких объятий тяжелых, тревожных мыслей, а когда экран смартфона осветился, высветив на дисплее знакомое до боли имя «Артур, Партнер», Даниил не стал торопиться с ответом, а вместо этого просто смотрел на эти две строки, и внутри него медленно, словно гигантская волна цунами, отходящая от эпицентра мощного подводного землетрясения, поднималась волна ледяного, парализующего спокойствия, которое было сродни тому чувству, когда человеческий мозг, окончательно исчерпав свой лимит паники и тревоги, переключается в режим жесткой экономии энергии, оставляя в сознании только голые, сухие факты и отсекая все лишнее, мешающие эмоции.

Он нажал на зеленую кнопку ответа и поднес телефон к уху, ощущая, как холодный корпус смартфона неприятно прижимается к разгоряченной коже.

— Даня, привет, — голос Артура в трубке звучал нарочито бодро и даже несколько приподнято, но в этой его наигранной бодрости, в этих слишком уж энергичных интонациях отчетливо слышался явный перебор, та самая фальшивая, неестественная нота, которую не смогли скрыть и замаскировать даже самые современные динамики дорогого смартфона, искажающие звук в угоду качеству. — Как твои дела? Как настроение с утра?

— Говори прямо и по существу, — коротко и сухо ответил Даниил, медленно принимая сидячее положение на кровати и чувствуя, как противно скрипнули пружины дорогого ортопедического матраса, который еще вчера казался ему верхом комфорта, а сегодня вдруг стал чужим и неудобным. — Я не в настроении для светских бесед и обмена любезностями, ты же знаешь.

— Слушай, тут такое дело... — Артур на мгновение замялся, и эта его секундная пауза, эта возникшая в разговоре неловкая заминка была именно той самой паузой, после которой обычно сообщают о внезапной смерти близкого человека, о неизлечимой болезни или о том, что ты в одночасье потерял абсолютно все, что имел. — В общем, наши инвесторы вышли из проекта. Полностью и безвозвратно.

Даниил не произнес ни слова в ответ, он просто продолжал молчать, чувствуя, как эти слова, произнесенные Артуром с такой наигранной небрежностью, повисают в воздухе, словно приговор, зачитанный в пустом зале суда, но он не торопился их комментировать, не торопился задавать вопросы, потому что интуитивно понимал, что фраза «вышли из проекта» — это всего лишь вершина огромного, скрытого под водой айсберга, и за ней последуют новые, еще более страшные и разрушительные откровения.

— Они забрали все активы, — продолжал Артур, все так же торопливо и словно бы извиняясь. — Абсолютно все, что было на счетах компании, до последней копейки. Технически, они имели на это полное право, ты же прекрасно помнишь тот злополучный пункт в договоре о возможной смене вектора развития бизнеса? Ну, тот самый, который мы подписали, даже не прочитав толком, потому что нам казалось, что это пустая формальность?

Даниил по-прежнему молчал, лишь желваки на его скулах заиграли от напряжения, когда он до боли сжал челюсти, пытаясь сдержать рвущиеся наружу эмоции, которые грозили выплеснуться неконтролируемым потоком брани и обвинений.

— В общем, счета компании сейчас пусты, как пересохший колодец в разгар засухи, — Артур говорил быстро, словно пытался прожевать и проглотить слова, пока они не застряли у него в горле, вызвав приступ удушья. — Разработка полностью заморожена на неопределенный срок, команда распущена, а наш офис опечатан за неуплату арендной платы за последние три месяца. Мы банкроты, Даня. Полные, абсолютные банкроты.

— А мои личные гарантии? — голос Даниила прозвучал глухо и напряженно, как натянутая до предела струна, готовая вот-вот лопнуть. — Ты же лично клялся мне, что уладил вопрос с гарантиями, что подстраховался, что все под контролем? Ты помнишь наш разговор?

— Дань, ну что ты начинаешь... — Артур тяжело, почти театрально вздохнул, и этот его вздох прозвучал настолько фальшиво, что Даниила передернуло. — Рынок, сам понимаешь, непредсказуем. Наши инвесторы переобулись в воздухе, изменили свою стратегию в самый последний момент. Ты же сам всегда говорил, что в бизнесе риски есть всегда, и что без

риска нет и прибыли. В общем, завтра тебе придет официальное уведомление о блокировке всех твоих личных счетов. Ты же, если я не ошибаюсь, выступал поручителем по последнему траншу?

Ледяное спокойствие, которое Даниил испытывал еще секунду назад, в одно мгновение лопнуло, как тонкая корка льда на весенней луже, рассыпавшись на тысячи мелких осколков, а на его место пришла глухая, вязкая, всепоглощающая ярость, которая, впрочем, так и не нашла своего выхода, застряв где-то в горле, словно острый ком, который невозможно было ни проглотить, ни выплюнуть, и он просто сидел на краю кровати, уставившись в стену невидящим взглядом, сжимая телефон с такой силой, что побелели костяшки пальцев, а пластиковый корпус смартфона жалобно захрустел, грозясь треснуть под напором его отчаяния.

— То есть ты хочешь сказать, — голос Даниила был тихим, почти шепотом, но в этой тишине было больше угрозы, чем в самом громком крике, — что я не только потерял компанию, которую мы строили три долгих года, вкладывая в нее все свои силы, нервы и здоровье, не только остался без работы, без средств к существованию, без будущего, но теперь еще и должен банку огромную сумму денег, которой у меня, разумеется, нет и никогда не было?

— Это всего лишь временные трудности, — попытался подбодрить его Артур, но его голос звучал при этом так фальшиво, что от этой фальши сводило зубы. — Мы обязательно найдем новых инвесторов, я уже веду переговоры с очень перспективными людьми, нам просто нужно немного переждать, перетерпеть этот сложный период.

— Ты ведешь переговоры, Артур? — Даниил, наконец, позволил своим эмоциям прорваться наружу, и его голос задрожал от едва сдерживаемой ярости. — Ты ведешь переговоры с теми самыми людьми, которые выкупили наши долги за бесценок? Или, может быть, с теми, кому ты продал мою долю в компании неделю назад? Ты, наверное, думал, что я никогда не узнаю об этом? Что я слепой и глухой?

На том конце провода воцарилась такая глубокая, такая звенящая тишина, что Даниил на мгновение решил, что связь прервалась, но затем он услышал тихое, едва уловимое дыхание своего бывшего партнера и понял, что тот все еще на линии, просто не знает, что сказать в свое оправдание.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — наконец произнес Артур, и его голос резко изменился, стал жестким, холодным и чужим, лишенным всякой притворной теплоты и дружеского участия. — И, честно говоря, не хочу понимать. Не звони мне больше по этому номеру. По всем официальным вопросам — свяжись с нашим корпоративным юристом. У него есть все необходимые документы.

В трубке раздались короткие, отрывистые гудки, и Даниил медленно отнял телефон от уха, чувствуя, как его рука дрожит, словно он только что держал в ней не дорогой смартфон, а раскаленный кусок металла, обжигающий кожу.

Он долго смотрел на потухший экран телефона, на котором постепенно растворялись последние следы их разговора, и думал о том, что предательство — это не абстрактное, философское понятие из книг и фильмов, а вполне конкретное лицо человека, с которым ты делил пиво и последний кусок хлеба, с которым ты провел сотни бессонных ночей, обсуждая планы на будущее, с которым ты смеялся, спорил, мечтал и строил воздушные замки, и теперь этот

человек, этот самый близкий друг, оказался обычным предателем, который все это время держал нож за спиной и просто ждал подходящего момента, чтобы вонзить его тебе в спину по самую рукоять.

Даниил тяжело поднялся с кровати, чувствуя, как ноги стали ватными и непослушными, словно их налили свинцом, а во рту появился неприятный, металлический привкус, который обычно возникает при сильном стрессе или после длительного голодания, и медленно, шатаясь, словно пьяный, подошел к большому панорамному окну, за которым уже всю ночь просыпался огромный, равнодушный ко всему город, живущий своей собственной, неспешной жизнью.

За стеклом сновали туда-сюда озабоченные прохожие, спешащие на работу, гудели машины, создавая непрерывный фоновый шум, где-то вдалеке кричали дети, играющие во дворе, и вся эта обычная, привычная жизнь продолжалась, не сбавляя темпа, совершенно не интересуясь тем фактом, что у одного человека только что рухнул весь его мир, разбившись на мелкие осколки, которые уже невозможно было собрать воедино.

Он попытался сделать глубокий, полный вдох, чтобы хоть немного унять противную дрожь в руках и успокоить бешено колотящееся сердце, но воздух застрял где-то в районе горла, словно его дыхательные пути перекрыло невидимой пробкой, и он лишь судорожно, беспомощно захрипел, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

Он — банкрот, это страшное, унижительное слово звучало в его голове, как приговор, зачитанный в пустом зале суда без адвокатов и присяжных, и от осознания этого простого факта ему хотелось выть в голос, биться головой об стену, крушить все вокруг, но вместо этого он просто стоял у окна, неподвижный и опустошенный, словно статуя, смотря вдаль невидящим взглядом.

Все, что он строил на протяжении трех долгих лет, все те бессонные ночи, проведенные за разработкой проекта, все те нервы, которые он потратил на переговоры с инвесторами, все те надежды и мечты, которые он лелеял в своем сердце, — все это в одно мгновение было обнулено, перечеркнуто, уничтожено одним-единственным телефонным звонком, который длился не больше десяти минут.

Проект, который должен был изменить рынок, произвести революцию в своей отрасли, прогорел, сгорел дотла, словно картонный домик, не выдержавший порыва ветра, сбережения, которые он копил на будущее, на свадьбу, на счастливую семейную жизнь, сгорели в пожаре чужих амбиций и предательских манипуляций, а квартира, купленная в ипотеку всего два года назад, скорее всего, отойдет банку за долги, и его, как бездомного котенка, просто вышвырнут на улицу, лишив единственного укрытия.

Он машинально, словно в каком-то сомнамбулическом трансе, открыл приложение банка на своем смартфоне, хотя и так уже понимал, что именно там увидит, и уставился на цифры, которые высветились на экране, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

Баланс счета был нулевым, абсолютный, идеальный ноль, красивый, круглый, безжалостный в своей безапелляционности, и Даниил смотрел на эту цифру так, словно видел перед собой собственную могилу, потому что еще вчера на этом счете лежала весьма внушительная сумма, его личная подушка безопасности, его оплот стабильности и уверенности в завтрашнем дне, а теперь здесь не было ничего, кроме пустоты и чувства полного, беспросветного отчаяния.

Весь этот день прошел для Даниила, словно в густом, непроницаемом тумане, в котором он блуждал, словно потерявшийся путник, не находя выхода, не видя ориентиров, не понимая, куда ему идти дальше и что делать со своей разбитой, растоптанной жизнью.

Он не мог заставить себя есть, не мог заставить себя пить, не мог заставить себя заниматься какими-то привычными, повседневными делами, потому что все они казались ему теперь абсолютно бессмысленными и ненужными, он просто сидел на диване в гостиной, уставившись в одну точку на стене, и бесконечно прокручивал в голове события последних месяцев, пытаясь понять, где именно он свернул не туда, где упустил тот самый момент, когда его друг и партнер Артур стал его врагом, где он совершил ту роковую ошибку, которая привела его к полному краху.

Но в голове была каша, полная неразбериха из лиц, разговоров, подписанных документов, телефонных звонков и деловых встреч, и все это сливалось в один мутный, неразборчивый поток, не давая ему возможности зацепиться за что-то конкретное, найти ту самую точку невозврата, после которой все пошло под откос.

Ближе к вечеру, когда за окном уже начали стремительно сгущаться сумерки, погружая комнату в мягкий полумрак, в прихожей раздался отчетливый, резкий щелчок дверного замка, заставивший Даниила вздрогнуть от неожиданности, потому что он никого не ждал в гости, особенно сегодня, особенно в такой день, когда ему хотелось только одного — чтобы его оставили в покое.

В прихожей раздались легкие, торопливые шаги, и через несколько секунд в гостиную вошла она, Алиса, его невеста, высокая, стройная брюнетка с идеальной укладкой и безупречным макияжем, который выглядел так, словно его наносил профессиональный визажист, даже после долгого рабочего дня, и она остановилась в дверном проеме, окинув взглядом комнату, а затем и его самого, ссутулившегося на диване, с потерянным, отрешенным видом.

В ее взгляде, в этих холодных, голубых глазах, не было ни тревоги, ни сочувствия, ни хотя бы простого человеческого участия, только холодная, деловая сосредоточенность, словно она пришла не к своему жениху, а на важную деловую встречу, от исхода которой зависела ее карьера.

— Ты слышал о том, что случилось с компанией? — спросила она, даже не поздоровавшись, даже не поинтересовавшись, как он себя чувствует, как он переживает этот ужасный день, и ее голос был ровным, спокойным и безэмоциональным, как линия на кардиографе мертвого человека.

— Слышал, — глухо ответил Даниил, не поднимая головы, потому что ему было слишком тяжело смотреть в эти холодные, равнодушные глаза, которые еще вчера казались ему такими родными и любимыми.

— Я забираю свои вещи, — произнесла она, и это прозвучало не как вопрос, не как просьба, не как попытка обсудить сложившуюся ситуацию, а как констатация факта, как решенное дело, которое не подлежит обсуждению и обжалованию.

Даниил медленно, с усилием поднял на нее глаза, и в это мгновение он видел перед собой не женщину, с которой собирался связать свою жизнь, а совершенно чужого, незнакомого человека, который был ему безразличен и даже неприятен, и он впервые за долгое время увидел ее такой, какая она была на самом деле, без розовых очков влюбленности и идеализации.

Он видел это лицо тысячи раз, он целовал эти губы, он шептал на ухо этой женщине слова любви и нежности, он планировал с ней детей, старость и долгую, счастливую жизнь, а теперь перед ним стоял чужой, холодный, расчетливый человек, который готов был бросить его в самую трудную минуту, как только он перестал быть для нее выгодным и перспективным.

— Что ты сказала? — тихо переспросил он, хотя прекрасно все расслышал с первого раза, просто его мозг отказывался верить в то, что это происходит на самом деле.

— Даня, не делай вид, что ты не понимаешь, о чем я говорю, — она скрестила руки на груди, приняв оборонительную позу, и посмотрела на него с легким оттенком раздражения, словно его непонимание было лишь очередной проблемой, которую ей нужно было решить. — Ты банкрот. У тебя ничего не осталось. Наш совместный проект прогорел. Я не собираюсь тащить тебя на себе. У меня свои планы на жизнь.

— Я думал, у нас общие планы, — слова давались ему с огромным трудом, будто он выталкивал из легких тяжелые камни, и каждое слово причиняло ему физическую боль.

— Планы изменились, — Алиса равнодушно пожала плечами, словно речь шла о смене погоды за окном или о выборе нового платья. — Прости, но жизнь — жестокая штука. Я не обязана страдать из-за твоих ошибок и твоей некомпетентности.

Она резко развернулась и вышла из комнаты, оставив после себя лишь легкий шлейф дорогих французских духов, которые он сам подарил ей на прошлый день рождения, и Даниил услышал, как она поднялась наверх, в спальню, как открывала и закрывала ящики шкафа, как шуршала одеждой, собирая свои вещи.

Он продолжал сидеть на диване, не в силах пошевелиться, не в силах поверить в то, что все это происходит с ним на самом деле, что это не дурной сон, не галлюцинация, а самая настоящая реальность, от которой невозможно было спрятаться или убежать.

Второе предательство за один день, второй удар под дых, второй нож в спину, и этот удар был даже сильнее первого, потому что Артур был лишь деловым партнером, а Алиса была женщиной, которую он любил, которой он доверял, с которой он собирался прожить всю оставшуюся жизнь, и ее предательство ранило его в самое сердце, оставляя там кровоточащую, незаживающую рану.

Сначала партнер, теперь женщина, с которой он собирался связать свою судьбу, — мир, казалось, рушился по кирпичику, и каждый кирпич падал ему прямо на голову, причиняя невыносимую, мучительную боль, которая, впрочем, была не физической, а душевной, что было в сто раз хуже и невыносимее.

Через полчаса Алиса спустилась вниз с двумя большими дорожными сумками, набитыми вещами, и в ее руках Даниил заметил небольшую резную шкатулку из темного дерева, в кото-

рой он с первого взгляда узнал фамильный набор — серебряные ложки его бабушки, единственную ценную вещь, оставшуюся ему от семьи.

— Это тоже теперь твое? — спросил он, кивнув на шкатулку, и в его голосе прозвучала горечь, смешанная с какой-то безнадежной усталостью.

— А, это? — Алиса равнодушно взглянула на предмет в своих руках, словно это была не фамильная реликвия, а какая-то безделушка, купленная на распродаже. — Это было моим с тех пор, как ты мне это подарил. Или ты хочешь забрать свой подарок обратно? Это как-то не по-мужски, тебе не кажется?

Даниил промолчал, потому что не было ни сил, ни желания спорить с ней из-за этих ложек, из-за каких-то материальных ценностей, которые теперь не имели для него никакого значения, ведь он потерял гораздо больше, чем просто серебряные ложки.

Он просто смотрел, как она методично, словно робот, выполняющий заложенную программу, собирает остатки его разбитой жизни, как она берет со стола его ноутбук, который вообще-то был его личной собственностью, как проверяет, не забыла ли зарядку от телефона, как окидывает прощальным взглядом комнату, в которой они прожили вместе почти два года.

В этот момент он отчетливо понял, что она, вероятно, давно была готова уйти, что она просто ждала удобного момента, подходящего предлога, чтобы выскользнуть из его жизни, не оставив после себя ничего, кроме горечи и разочарования, и этот момент наступил сегодня, когда он оказался в самом уязвимом положении, на самом дне, откуда уже некуда падать.

— Прощай, Даня, — сказала она, уже стоя у входной двери, и ее голос звучал настолько равнодушно, что у него мурашки побежали по коже. — Надеюсь, у тебя все наладится. Жизнь — штука непредсказуемая, может, тебе еще повезет.

Она вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь, и после ее ухода в квартире осталась только звенящая, гнетущая тишина, которая давила на барабанные перепонки, и легкий, едва уловимый запах ее духов, который теперь вызывал у него не приятные воспоминания, а тошноту и отвращение.

Даниил смотрел на закрытую дверь и чувствовал, как внутри него что-то умирает, что-то очень важное и хрупкое, что, возможно, уже никогда не возродится, и он понимал, что это умирает его вера в людей, его наивная, глупая вера в то, что любовь и дружба могут быть настоящими, искренними и бескорыстными.

Оказалось, что это лишь красивые слова, которые ничего не значат, когда речь заходит о деньгах, о выгоде, о личном благополучии, и что в этом мире каждый думает только о себе, а все эти разговоры о верности, преданности и чести — не более чем пустой звук, сотрясение воздуха, не имеющее под собой никакой реальной основы.

Он просидел так, наверное, еще целый час, не меньше, и за это время темнота полностью поглотила комнату, окутав его своим мягким, непроницаемым покрывалом, но он не стал включать свет, потому что ему было комфортно в этой темноте, потому что она скрывала его лицо, его опустошенное, потерянное лицо человека, который потерял все.

Телефон снова зазвонил, и на этот раз это был не мобильный, а городской аппарат, стоявший на тумбе в прихожей, и его звонок был таким настойчивым, таким пронзительным, что Даниил, скрепя сердце, все же поднялся с дивана, чувствуя, как затекли ноги от долгого сидения в неудобной позе, и поплелся в прихожую.

— Алло? — его голос был хриплым, неузнаваемым, словно он только что проснулся после долгой болезни или многочасового крика.

— Даниил Викторович? — вежливый, бесцветный женский голос, лишенный каких-либо эмоций, прозвучал в трубке, словно голос автоответчика. — Вас беспокоят из службы безопасности банка. Уведомляем вас о том, что в связи с вашей просроченной задолженностью по ипотечному кредиту, банком принято решение о досрочном расторжении кредитного договора.

Даниил молчал, потому что он ждал этого звонка, он знал, что он рано или поздно раздается, что это неизбежно, что это лишь вопрос времени, и этот звонок был третьим звеном в цепи, завершающим аккордом этой симфонии разрушения, которая звучала в его жизни на протяжении всего сегодняшнего дня.

— Ориентировочная дата конфискации имущества — первое число следующего месяца, — продолжал все тот же бесцветный голос. — Вам необходимо освободить жилплощадь до этого срока. Все интересующие вас вопросы вы можете задать...

Он не дослушал, не захотел дослушивать этот бездушный монолог, который окончательно добивал его, лишал последних остатков надежды и сил, и просто положил трубку на рычаг, ощущая, как его рука дрожит, словно в ознобе.

Конфискация, какое-то казенное, бесчеловечное слово, которое звучало как приговор, как финальный удар молота по наковальне его судьбы, как точка в конце длинной, изматывающей главы его жизни, и от осознания этого ему хотелось кричать, выть, биться в истерике, но он лишь стоял в темной прихожей, словно изваяние, не в силах пошевелиться.

Квартира, его квартира, его крепость, его единственное укрытие, в котором он чувствовал себя в безопасности, в котором он скрывался от всех невзгод и проблем внешнего мира, теперь отойдет банку за долги, и он, словно бродяга, окажется на улице, без крыши над головой, без денег, без будущего, с одним лишь рюкзаком за плечами.

У него не оставалось ничего, абсолютно ничего, и это осознание было настолько страшным, настолько безысходным, что он даже не мог плакать, не мог выразить свои эмоции, потому что они, казалось, застыли внутри него, превратившись в ледяную глыбу, которая давила на грудную клетку, мешая дышать.

Он медленно сполз по холодной стене на пол прихожей, прислонился спиной к той самой двери, за которой несколько часов назад исчезла Алиса, и закрыл глаза, погружаясь в темноту, которая теперь была не только снаружи, но и внутри него.

Звон в ушах, этот тонкий, пронзительный, непрекращающийся писк, который появился у него сразу после ухода Алисы, теперь стал еще громче, еще навязчивее, еще невыносимее, и он заполнял собой всю его голову, вытесняя все мысли, все чувства, все сожаления и воспо-

минания, оставляя лишь пустоту, огромную, всепоглощающую, черную пустоту, которая разлилась внутри него, как нефтяное пятно в океане, отравляя все живое на своем пути.

Он вспомнил, с чего все начиналось, вспомнил себя три года назад, молодого, амбициозного, полного энергии и энтузиазма, с горящими глазами и твердой уверенностью в том, что ему по плечу свернуть горы, что он добьется успеха несмотря ни на что, и это воспоминание показалось ему сейчас таким далеким, таким нереальным, словно это было в прошлой жизни, словно тот человек, которым он был когда-то, умер, а вместо него родился кто-то другой, сломленный, опустошенный, раздавленный жизненными обстоятельствами.

Он вспомнил, как познакомился с Артуром на какой-то конференции для стартаперов, как они разговорились, как быстро нашли общий язык, как ночи напролет сидели на кухне, обсуждая будущий проект, который должен был сделать их миллионерами, и как он сам вложил в это дело все свои деньги, все свои силы, все свое время, не оставив себе ни запасного аэродрома, ни путей к отступлению.

Он вспомнил, как познакомился с Алисой в каком-то модном ресторане, как долго и красиво ухаживал за ней, как дарил ей цветы и подарки, как делал предложение, стоя на одном колене с кольцом в руках, и как она согласилась, улыбаясь сквозь слезы счастья, которые, как теперь выяснилось, были обычной актерской игрой.

Все это казалось теперь сном, чужим, далеким сном, который растаял без следа, оставив после себя лишь горечь разочарования и мучительное чувство утраты, и Даниил понимал, что у него больше нет ни сил, ни желания бороться за то, что уже не вернуть.

Он попытался найти в себе хоть какие-то эмоции, хоть какие-то чувства, которые могли бы вывести его из этого состояния оцепенения, заставить его действовать, бороться, сопротивляться, но все было тщетно.

Злость? Да, она была, но где-то глубоко, на самом дне его души, придавленная толщей льда и безразличия, и она не могла пробиться наружу, не могла вырваться из этого ледяного плена, чтобы дать ему силы на борьбу.

Обида? Ее сменило горькое, всепоглощающее разочарование, которое разъедало его изнутри, словно кислота, не оставляя ничего живого.

Сожаление? Оно было, конечно, было, но было уже слишком поздно сожалеть о том, что сделано, о том, что не вернуть, о том, что безвозвратно утеряно.

Оставалось только это: пустота и звон в ушах, и это было все, что у него осталось, все, что он мог назвать своим.

Звон в ушах стал еще громче, еще пронзительнее, когда он попытался в полной мере осознать масштаб катастрофы, постигшей его, и от этого звона у него начинала раскалываться голова, а перед глазами плыли черные круги.

Он потерял бизнес, потерял деньги, потерял невесту, потерял дом, и все это произошло за один-единственный день, за какие-то жалкие двенадцать часов, словно кто-то там, наверху,

нажал кнопку «стоп» и вытащил вилку из розетки, лишив его жизнь электричества, тепла и смысла.

Он поднял руку и поднес ее к лицу, пытаясь рассмотреть в темноте свою ладонь, но не увидел ничего, кроме смутных очертаний, и ему вдруг показалось, что эта ладонь пуста, что все, чего он когда-либо касался, рассыпалось в прах, оставив его с пустыми руками и пустым сердцем.

Он был тем самым королем, который потерял королевство, не успев выпить ни глотка вина, тем самым капитаном, который пошел ко дну вместе со своим кораблем, тем самым путником, который заблудился в лесу и больше никогда не найдет дорогу домой.

Точка невозврата, именно так это называлось, именно так называлось то место, в котором он сейчас находился, та точка, после которой пути назад уже нет, и ты можешь только идти вперед, но куда идти, если впереди только мрак, только пустота, только звон в ушах?

Он сидел на холодном полу прихожей до тех пор, пока в комнате не начал брезжить серый, тусклый рассвет, который медленно, неохотно проникал сквозь незашторенные окна, освещая осколки его прежней жизни: фотографии на полке, где они с Алисой такие счастливые и улыбающиеся, книги, которые он так и не прочитал, пустые чашки из-под кофе, оставленные на журнальном столике.

Все это теперь не имело никакого значения, все это были лишь декорации к спектаклю, который закончился, реквизит, который больше не нужен, бутафория, которая лишь подчеркивала пустоту его нынешнего существования.

Даниил с трудом поднялся на ноги, чувствуя, как ноет все тело, как болят мышцы, как хрустят суставы, словно после долгой, изнурительной болезни, и медленно, шатаясь, подошел к большому зеркалу в прихожей, чтобы посмотреть на себя, чтобы увидеть того человека, которым он стал.

И он не сразу узнал себя, потому что из зеркала на него смотрел уставший, посеревший, постаревший на десять лет человек с глубокими тенями под глазами, с потухшим, бессмысленным взглядом, с опущенными уголками губ и сгорбленной спиной, человек, у которого больше ничего не осталось, человек, который потерял все.

Он отвернулся от зеркала, потому что смотреть на себя было невыносимо, потому что этот человек вызывал у него лишь жалость и отвращение, и прошел на кухню, где налил в стакан холодной воды из-под крана, сделал несколько жадных глотков, но вода была безвкусной, безжизненной, как и все вокруг.

Все вокруг было безвкусным и бесцветным, мир утратил свои краски, свои запахи, свои звуки, и осталась лишь монохромная картинка, наполненная тишиной и пустотой.

Звон в ушах не прекращался ни на секунду, он стал постоянным фоном, неотъемлемым спутником его нового, пустого существования, и Даниил постепенно начал понимать, что это не физический симптом, не последствие стресса или переутомления, а, скорее, звук его собственной души, точнее, той ее части, которая умерла сегодня, которая не выдержала этих страшных испытаний.

Той части, которая верила в справедливость, в честность, в любовь, в дружбу, той части, которая делала его человеком, способным сопереживать, радоваться, надеяться и мечтать.

Все это оказалось фикцией, обманом, иллюзией, все это было лишь дымом, который развеял первый же порыв ветра, оставив после себя лишь горький запах гари и пустоту.

Он сел за кухонный стол и уставился на стену, где прямо перед ним висел отрывной календарь, показывающий четверг, тот самый день, который он так ждал и которого так боялся, тот самый день, который перечеркнул всю его предыдущую жизнь, тот самый день, который стал точкой отсчета нового времени, времени, в котором не было ничего, кроме пустоты и звона в ушах.

Эта пустота была не просто эмоцией, не просто состоянием души, она была физическим ощущением, она была материальной, осязаемой, и Даниил чувствовал, как она растекается по его венам, как она заполняет каждую клеточку его тела, как она вытесняет из него все человеческое, оставляя лишь пустую оболочку.

Казалось, что внутри него, в том самом месте, где раньше были сердце, надежды и мечты, теперь зияет огромная черная дыра, которая засасывала в себя последние остатки тепла, последние проблески человеческих чувств, последние искры жизни, и Даниил не сопротивлялся, не пытался бороться с этой пустотой, он просто плыл по течению, отдавшись на волю этой разрушительной, всепоглощающей тишине, которая, казалось, была единственным, что у него осталось.

Он просидел так до самого вечера, не двигаясь, не шевелясь, словно каменное изваяние, и время тянулось бесконечно, словно резина, растягиваясь в вечность, и иногда он проваливался в тяжелую, беспокойную дрему, но звон в ушах неизменно возвращал его в реальность, в ту самую реальность, от которой он так отчаянно хотел сбежать.

Когда за окном снова стемнело, и город погрузился в свои обычные вечерние сумерки, Даниил вдруг отчетливо понял, что больше не может находиться в этой квартире, что эти стены душат его, давят на него, напоминая о том, что он потерял, о том, что уже никогда не вернуть.

Каждая вещь здесь была пропитана его прошлым, его надеждами, его любовью, каждая деталь интерьера напоминала ему о счастливых временах, которые безвозвратно ушли, и находиться здесь было невыносимо, словно на могиле собственной жизни, словно в склепе, где похоронены его мечты.

Он собрался недолго, в его состоянии быстрые сборы были делом нехитрым, он просто взял старый, потертый рюкзак, стоявший в кладовке, и побросал в него несколько пар нижнего белья, старые джинсы, потертую футболку и свой ноутбук, который, возможно, еще мог ему пригодиться.

Он не знал, куда пойдет, у него не было ни малейшего представления о том, где он проведет эту ночь и все последующие ночи, у него не было ни друзей, ни родственников, к которым он мог бы обратиться за помощью, потому что все, кого он знал, так или иначе были связаны с его прежней жизнью, от которой он теперь хотел отречься.

Предательство Артура и Алисы показало ему, что цена человеческих отношений равна цене чистого воздуха, то есть нулю, и он не хотел больше никого видеть, не хотел ни с кем разговаривать, не хотел никому объяснять, что с ним произошло.

Он хотел раствориться, исчезнуть, стать невидимым, перестать существовать как личность, как человек, как единица общества, и он понимал, что для этого ему нужно просто уехать, уйти, убежать от всего, что связывало его с прошлым.

Он накинул на плечи старую кожаную куртку, взял со стола ключи от машины, которые были единственным, что ему еще не успели заблокировать, и, не оглядываясь, вышел из квартиры, захлопнув за собой дверь с такой силой, что звук этот эхом разнесся по всему подъезду.

Этот звук был символичным, он словно поставил точку в конце длинной, изматывающей главы его жизни, он словно отрезал все пути к отступлению, он словно объявил всему миру, что старого Даниила больше нет, что он умер, а на его месте появился кто-то другой.

Он не оглядывался, не позволял себе оглядываться, потому что знал, что если он обернется, то уже не сможет уйти, что он останется в этой квартире, среди этих стен, которые стали свидетелями его краха, и будет медленно умирать от тоски и безысходности.

Сзади оставалась его старая жизнь, разбитая вдребезги, разломанная на мелкие кусочки, которые уже невозможно было собрать воедино, а впереди была только неизвестность и эта всепоглощающая пустота, которая, казалось, была единственным, что ждало его в будущем.

Сев в машину, он завел двигатель, который тихо, почти неслышно заурчал, наполняя салон привычным гулом, который раньше казался ему успокаивающим, а теперь вызывал лишь раздражение и желание заткнуть уши.

Он выехал со двора и влился в плотный поток вечернего города, который жил своей собственной, бурной жизнью, совершенно не замечая того, что один из его жителей только что потерял все, что имел.

Огни витрин расплывались перед его глазами, превращаясь в разноцветные пятна, лица людей на тротуарах были смазанными и нечеткими, словно он смотрел на них сквозь мутное стекло, и весь город казался ему каким-то нереальным, ненастоящим, словно декорация к фильму-катастрофе.

Он ехал, не разбирая дороги, повинаясь каким-то внутренним, бессознательным инстинктам, которые вели его неизвестно куда, он просто ехал вперед, подальше от места, где все рухнуло, подальше от людей, которые его предали, подальше от воспоминаний, которые причиняли ему невыносимую боль.

Город закончился неожиданно, словно его кто-то обрезал ножницами, и на смену высоким зданиям, ярким витринам и бесконечным потокам машин пришли темные силуэты деревьев, растущих вдоль дороги, и звенящая, первозданная тишина загородной трассы, которая была настолько глубокой, что, казалось, можно было услышать, как падает снег.

В салоне было тихо, только мерный гул мотора и этот непрекращающийся, сводящий с ума звон в ушах, который теперь стал еще громче, еще навязчивее, еще невыносимее, словно

сама тишина этого пустынного места усиливала его, делала его более отчетливым и пронзительным.

Он все ехал и ехал, не останавливаясь, не снижая скорости, не думая о том, куда ведет его эта дорога, пока не увидел съезд к смотровой площадке, откуда открывался захватывающий вид на ночной город, мерцающий внизу миллионами огней, словно россыпь драгоценных камней на черном бархате.

Он припарковался на пустой площадке, заглушил двигатель и вышел из машины, вдыхая полной грудью холодный, чистый ночной воздух, который был резким и колючим, словно глоток ледяной воды после долгой жажды.

Наступила полная, абсолютная тишина, нарушаемая лишь редкими, едва слышными порывами ветра, шелестевшего в кронах деревьев, и эта тишина была настолько глубокой, что в ней, казалось, можно было услышать биение собственного сердца.

Перед ним расстилалась панорама города, который он так любил и который только что выплюнул его, как инородное тело, как отработанный материал, как ненужный хлам, и от осознания этого ему стало еще горче, еще тоскливее, еще безнадежнее.

Миллионы огней, миллионы судеб, миллионы людей, и все они были заняты чем-то важным, чем-то значимым, чем-то, что имело для них смысл, а он стоял здесь, на краю обрыва, в прямом и переносном смысле, с пустым рюкзаком за плечами и полным отсутствием желания жить дальше.

Но он был жив, его сердце билось, его легкие дышали, его мозг работал, и это было единственное, что у него осталось, единственное, что не смогли у него отнять, единственное, что делало его все еще живым человеком.

И единственное, что он чувствовал, — это звон в ушах, этот пронзительный, непрекращающийся писк, который был звуком обнуления, звуком падения на самое дно, звуком крушения всех надежд и мечтаний.

Он стоял на этой точке невозврата, на этом самом краю, и смотрел в темноту, которая манила его своей тишиной и покоем, обещая избавление от всех страданий и проблем, и где-то глубоко в его душе, в самой темной ее части, зародилась мысль о том, что, возможно, было бы лучше просто сделать шаг вперед и покончить со всем этим раз и навсегда.

Но он не сделал этот шаг, не поддался этому искушению, не позволил этой темной мысли завладеть своим сознанием.

Вместо этого он развернулся, медленно, неуверенно, словно преодолевая невидимое сопротивление, подошел к своей машине, сел за руль и завел двигатель.

Он поехал дальше, в никуда, в неизвестность, в новую жизнь, которой у него еще не было, но которая, возможно, ждала его где-то там, за поворотом, в темноте, скрытая от глаз.

Он не знал, что его ждет впереди, не знал, сможет ли он когда-нибудь выбраться из этой ямы, в которую упал, не знал, найдет ли он в себе силы, чтобы начать все сначала, но он знал

одно: он должен ехать дальше, он должен двигаться вперед, потому что остановка означала бы смерть, а он, несмотря ни на что, все еще был жив.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.